

16+

ШЁПОТ СИНЕГО НЕБА

То, что говорю вам в темноте, повторяйте при ярком
свете, и то, что нашептываю вам на ухо,
возглашайте с крыш домов
(Матфея 10:27)

Азат ГМ

Азат ГМ

**Шёпот синего неба. История
духовного прозрения**

«Издательские решения»

ГМ А.

Шёпот синего неба. История духовного прозрения / А. ГМ —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740257-0

Краткая история духовного прозрения. Рассказ о духовной трансформации личности в современном мире, о неожиданной чудесной встрече с Богом. «То, что говорю вам в темноте, повторяйте при ярком свете, и то, что нашептываю вам на ухо, возглашайте с крыш домов». (Матфея 10:27)

ISBN 978-5-44-740257-0

© ГМ А.

© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Часть II	8
Часть III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Шёпот синего неба История духовного прозрения

Азат ГМ

Дизайнер обложки Azat GM

© Азат ГМ, 2024

© Azat GM, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4474-0257-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*То, что говорю вам в темноте, повторяйте при ярком свете, и то, что
нашёптываю вам на ухо, возглашайте с крыши домов
(Матфея 10:27)*

Часть I

*«Ищи Его лик» – сердце моё говорит
(Псалом 26:8)*

Небо, затянутое пеленой белых облаков с редкими вкраплениями медленно проплывающих серых туч – образ из раннего детства, с прежней чёткостью всплывающий в памяти до сих пор.

Не уверен, но думаю, что именно от мамы, я впервые услышал о том, что существует некий Высший Разум, Которого называют Бог, и о том, что живёт Он на небе. И, насколько я помню, было именно так, что за моё непослушное поведение Разум этот может меня наказать. Вероятно, слова мамы меня всерьёз заинтересовали, а может, мне просто стало страшно, и я подошёл к окну удостовериться, так ли всё на самом деле, как было сказано.

Воодушевлённый надеждой достичь желаемой цели, с явным блеском в глазах, я смотрел на небо, предвкушая открытие невиданного фантастического явления. Но лишь белое небо, пролетающие мимо голуби и больше ничего... Я утешался тем, что принимал за Него любое облако либо тучу хоть чем-то напоминающую фрагменты человеческого, именно человеческого, лица.

«Какая интересная форма у этой тучки..., похоже на зайца! Должно быть, Он увидел меня и специально превратился в эту тучу, чтобы я ничего не понял...» – возникали подобные мысли.

Первая попытка найти Бога оказалась безрезультатной.

Но я верил, не знаю почему, и всерьёз надеялся, что когда-нибудь Его увижу...

В то время мне открыли, что в этом мире есть Бог. И это было самым грандиозным результатом, настоящим открытием в моей жизни. С тех пор, парадоксально, но признаюсь, что даже в годы моего «атеизма», меня не покидали мысли о том, что Кто-то всегда меня видит, всегда меня слышит, всегда знает, о чём я думаю, что Кто-то всегда про меня помнит.

Уверен, что каждый человек, однажды узнав о Боге, никогда больше не перестаёт задумываться о Его существовании. В его внутреннем мире, словно образуется новое абстрактное пространство, новая «комната», о существовании которой он всегда помнит. Это становится новым фундаментальным знанием человека (как его представления о том, что вода – жидкая, огонь – горячий, а Земля – округлая), о котором он просто не может забыть. Вряд ли можно найти взрослого человека, который на вопрос – «Верите ли Вы в Бога?», честно и всерьёз ответит: «Не знаю. Я никогда не задумывался об этом».

Однажды придя в гости к другу я поделился с ним своим «открытием». Но оказалось, что он уже знал о Нём, как выяснилось от тех же источников – от своих родителей. Более того, нам также открыли, что Он может исполнить любое наше желание, и если просить у Него, Он даст. И мы просили...

Событие того дня стало ещё одним глубоким впечатлением из детства. Уже не помню, кому принадлежала эта безумная идея: я и мой друг сидим на лоджии... Было нам лет по шесть, может семь, сидим на корточках, чтобы прохожие на улице не увидели нас, и на счёт «три – четыре», громко, не щадя голосовых связок, желая быть услышанными, выкрикивали свои детские просьбы Богу. Строгих, очень строгих, родителей моего друга в это время не было дома, были только наши старшие сёстры. Одна из которых, оставаясь за главную в отсутствии взрослых, была крайне недовольна нашим поведением и велела прекратить этот «праздник». Но мы, благополучно закрывшись от неё на лоджии, продолжали свои «молитвы».

И в этот счастливый момент самозабвенной игры, с выражением искренней радости на лице, мы смотрели в высокое синее небо...

Как оказалось, кроме Бога, наше желание получить мешок жевачек, слышали и соседи с четвёртого этажа, которые весьма «деликатно» и «вежливо» просили нас замолчать. А нам было жутко весело и мы никого не слушали, желая получить заветный мешок – абсолютно бесплатно.

После новых весёлых игр, я пришёл домой и первым делом направился в кухню на малую лоджию, которую мы всегда называли и называем балконом, где как я предполагал, должен был оказаться результат моей просьбы... Я не сильно огорчился. Но надеялся, от чего в последующие несколько дней периодически выходил на балкон проверить: не появилось ли там чего-нибудь из того, что я просил. Но, несмотря на подобные «неудачи», зажжённое во мне «пламя» веры не угасало.

Время шло, открывая новые подробности этого мира, в моём представлении он становился всё проще и меньше. Но место для Бога в нём ещё оставалось. Я по-прежнему обращался к Нему, но уже не так оригинально как это было раньше. И скорее лишь тогда, когда мне самому было сложно преодолеть гнетущее чувство одиночества и тяжесть от потерь ценностей жизни.

И снова образ из детства, мне девять лет, может восемь, но, скорее всего это было тем же летом, когда исполнилось семь лет, может шесть.

Тихая ночь. Комната, залитая тусклым светом Луны. Холодно. Лежу один на широкой кровати у окна, сквозь искажающее стекло которого – чистое звёздное небо. Печальная картина (как тогда представлялась) давит на тоскливое состояние. Я в сотнях километрах от дома, в деревне (где уже во всё наигрался, и всё надоело), прошу Его о скорейшем возвращении родителей...

Пройдут не более десяти лет, и, моя простая, во многом наивная, детская, но вместе с тем глубоко укоренившаяся в сознание (или скорее в нечто абстрактное, что называется «душа»...) вера, под равнодушным напором «мудрости» мира, его жестокости, серой обыденности дней жизни, зачахнет и сменится обречённой пустотой слепого атеизма.

«Пламя» покачнулось лёгким порывом «ветра» и стало «темно»...

Часть II

*«Называя себя мудрыми, обезумели...»
(Римлянам 1:22)*

Большое многообразие научно-познавательной литературы и телевизионных программ, раскрывающие многочисленные вопросы о возникновении жизни на Земле, происхождении самой планеты, образования Вселенной, предопределили моё дальнейшее отношение к вере в Высший Разум.

Научные газеты и журналы, телевизор, школа (в меньшей степени) поставляя всё больше информации в моё сознание, всё дальше уводили меня от верного пути к истине. И я относился к такому положению дел как к вполне обыденному и очевидному явлению, через которое проходили, проходят, и, всегда будут проходить все люди на Земле...

Точным «пушечным выстрелом» официальная наука нанесла сокрушительный удар в «створ ворот» моих убеждений, настолько быстро, что я даже не заметил, как стал глубоко верить во всё то, что она объясняла и доказывала, легко переводя сомнительные гипотезы в разряд точного знания. В это верило большинство, это было общепринятым стандартом, являлось логичным, нормальным, это было объективной наглядной истиной – бесспорной мудростью мира сего.

Но, только сейчас приходит понимание, что, как и всё материальное в этом мире, «гранитная наука», какой бы твёрдой она не казалась, всё же зиждется на «зыбучем песке».

Лето 1996 года, мне двенадцать лет, ровно двенадцать. Изучаю учебник астрономии за 10-й класс, изданный в 1981 году. Завершая чтение последнего параграфа, останавливаюсь, пытаюсь осознать суть прочитанного предложения: «...Вселенная никогда не имела начала, и, никогда не будет иметь конца, она безгранична в пространстве и времени...». Кто бы мог подумать, что об этом фундаментальном «знании» человечества, спустя 10—15 лет, мало кто вспомнит, и, что оно будет в тени другой «явной истины». В аналогичном учебнике астрономии (за двадцать лет даже обложку не изменили) за 2001 год в последнем параграфе Вселенную ограничили и в пространстве и во времени: теперь она расширяется со скоростью света во всех направлениях уже на протяжении 15—20 млрд. лет...

Итак, наука сделала меня «мудрым». Я перестал верить в Высший Разум. Вернее называть Богом то, во что я верил. Обращаясь с просьбами к вымышленным образам судьбы и удачи. Но возвращался, когда было особенно тяжело, и, уходил снова, возмущаясь, что кто-то верит в пустоту.

Удивительно, как часто в этом мире, в общем, своё отражение находит частное. Спустя тысячи лет я (как и многие) прошёл по тому же пути что и народ израильский: ушёл от Бога, создал себе идолов, через наказания возвращался, но повседневная «мудрость» жизни уводила вновь...

Увлечение психологией, заставило поверить в силу своего ума – в себя самого. Теперь я знал, что всё живое произошло от элементарных химических процессов миллиарды лет назад, что Земля когда-то была просто облаком пыли и газа, и что Вселенная лишь следствие «BIG BOOMa», после которого вдруг стала расширяться с громадной скоростью каждый год, месяц, день, час, каждую минуту. Растёт, когда я сплю, растёт, когда просыпаюсь, включаю кран с холодной водой, беру в руки зубную щётку, а Вселенная растёт. Когда думаю, что приготовить на обед, продолжает расти. Я снова ем гречку, а она всё пожирает «тёмное нечто». Несётся в неизвестную бездну, когда еду в автобусе. Я иду по улице, а Вселенная всё растёт и растёт, невзирая на все человеческие радости и печали, происходящие на Земле, каждую

секунду становясь шире на 600 тысяч (599584,916) километров (Согласно всем теориям всё-таки 300 тыс. – 299792,458 км\с).

А потом я «проснулся»...

Начало июня 2004 года, возможно середина, хотя может быть и конец месяца. Я учусь в вузе. Оканчиваю второй курс летней практикой в газете.

В то время я неожиданно для себя увлёкся рок-музыкой, а точнее глубоко аллегоричными стихами Пушкиной из группы «Ария», в которых я видел отражение своей жизни, собственных убеждений и мыслей от чего возникало ощущение понимания, и я находил в этом какое-то успокоение.

Тот день был самым обыкновенным и ничем особенным мне не запомнился. Не обычным был вечер того дня, который, должно быть, запомнится мне на всю жизнь...

Как всегда вечером, включив новую для меня музыку на стареньком кассетном магнитофоне и прибавив звук, я отправился на кухню готовить картофельное пюре с густым подливом из овощей и курицы обильно приправленный специями и томатной пастой. Я заканчивал приготовление курицы и картофеля. Завершалось и проигрывание аудиокассеты, где мною были записаны песни «Арии», не вошедшие ни в одну из тематических категорий (на которые я условно разделил всё семнадцатилетнее творчество группы). А потом стало и вовсе тихо. Я сполоснул руки, выключил кран и подошёл к открытому окну. На улице уже стемнело, но всё оттого, что солнечный жаркий день завершался надвигающейся грозой. С восьмого этажа дома, открывался прекрасный вид: огромные грозовые тучи, без просвета от самого горизонта, словно плотные клубы дыма, затягивали синее небо. Многочисленные вспышки молний вдали, освещали тёмный массив туч, сопровождаясь едва слышными раскатами грома. Приятные порывы прохладного ветра становились всё сильнее. И тут за спиной вдруг раздался громкий стук.

Я направился в свою съёмную комнату и по-пути, выйдя в прихожую, увидел качавшуюся от сквозняка дверь (хозяйка квартиры перед отъездом на дачу, просто забыла закрыть дверь на замок). Раскаты грома усилились, и молнии уже заметно стали освещать тёмную улицу и серый девятиэтажный дом напротив. Я вошёл в комнату, освещённую тусклой лампой светильника закреплённого на письменном столе. В центре, которого стоял чёрный небольшого размера старенький магнитофон. В распахнутое окно комнаты влетали редкие капли дождя.

Кроме меня дома был только кот, который в этот момент вышел из незапертой комнаты. Он почему-то всегда опасался всех кроме своей хозяйки, поэтому я не обратил внимания на его шипение мне вслед, посчитав это обычным явлением.

Дождь усилился. Я подошёл к магнитофону, кнопка «play» была нажата, шло проигрывание того свободного от записи фрагмента плёнки, который я обычно перематывал, когда заканчивалась последняя песня этой стороны. Собравшись сделать то же самое, я вдруг услышал какие-то странные, беспорядочные звуки. Прибавив громкость динамика, я прослушал их ещё секунд десять и потрясённый, даже шокированный услышанным, скорее остановил проигрывание кассеты. После чего возникло какое-то скверное ощущение, как после просмотра фильма ужасов.

Я не хотел верить в услышанное, и был убеждён, что мне всё это показалось. Но снова прослушать эту плёнку я не решался. И это было бесполезно, так как качество звучания было плохим, а динамик был очень слабым.

С того вечера я стал постоянно думать об этой записи, и с нетерпением ждал возвращения домой, чтобы вновь прослушать кассету и разобраться показалось ли мне или действительно что-то там есть...

«Гранитный фундамент» покачнулся, и «здание» стало медленно и незаметно падать...

И вот, спустя недели томительного ожидания, я дома. Снова один. Включаю магнитофон. Ставлю кассету в деку. Перематываю плёнку, чтобы прослушать сторону с самого начала.

Нажимаю кнопку «play». Воспроизведение пошло... Прозвучала последняя песня, «Мания Величия» она называлась. Прибавляю звук, ставлю его на максимальную громкость. И приготовившись услышать те странные непонятные звуки, и испытать как в прошлый раз потрясение, шок и где-то даже страх и ужас, вслушиваюсь в шипение динамиков...

Часть III

И Дух и невеста Его говорят «Приди!» (Откровение 22:17)

После небольшой паузы, которая обычно бывает между музыкальными треками, началось проигрывание того фрагмента плёнки, где по идее должна была быть тишина. Я по-прежнему надеялся, что услышанное всего лишь старая запись и ничего необычного на этой плёнке нет. Но прошло ещё секунды три, и пустое шипение динамиков, очень плавно, как бы по нарастающей, становясь всё громче, сменилось звуками, которые развеяли во мне всякие сомнения. Тот шёпот здесь есть.

Сложно с точностью описать звук, с которого начиналась запись, ничего близко похожего с ним я никогда не слышал: что-то среднее между гулом высоковольтной линии электропередачи и писком комара. А колебания этого «электрического треска» напоминали звуки радиоприёмника с ручной настройкой частот. Этот «скрипящий» звук был фоновым на протяжении всей записи, словно платформой на которой держались другие звуки.

Далее, примерно 2—3 секунды спустя, послышались голоса детей, такие, как например, на детской площадке, или в детском саду, когда невозможно что-либо разобрать, оттого, что все одновременно что-то говорят. И непонятно, что там было то ли смех, то ли плач, смешанный с разговорами и резкими криками. Голоса эти тоже были в течение всей записи. Кроме того, были другие, едва уловимые звуки, похожие на тихий шёпот, словно кто-то, прячась, перешёптывался, со стороны наблюдая за происходящим там.

Спустя некоторое время (секунд 20—30, а может и больше), совершенно чётко и разборчиво, и, даже скорее, детским голосом, как бы хором, было произнесено: «Иди-и сюда-а...», перерыв примерно две секунды и снова «Иди-и...». Это был такой протяжный негромкий крик с нечеловеческим двойным голосом, от которого просто «мурашки по коже»... Далее, на протяжении нескольких минут, были всё те же звуки: «скрип» и детские голоса, смех или плач с чьим-то шёпотом.

Я сидел на кровати, возле магнитофона, внимательно вслушиваясь в каждый звук этой странной, непонятно откуда взявшейся записи длительностью 7—10 минут.

И тут вдруг, совершенно неожиданно, послышалось голубиное воркование. После которого я, наконец, услышал тот самый вырывающийся из динамиков «живой» голос, шёпотом говорящий чётко и громко, с определённой протяжной интонацией сопровождаемый тем же воркованием: «С кем ты?.. А-а-а?.. С кем?..». Когда я услышал это, холод пробежал по всему телу, и тихий шипящий звук пульсирующей крови будто бы заполнил голову, как бывает после чего-то шокирующего.

Этот фрагмент записи оказывал на меня наибольшее эмоциональное воздействие, так как возникало ощущение, что эта фраза шёпотом была обращена именно ко мне. Что некое существо однозначно живое и разумное, совершенно мне неизвестное и непонятное, что-то фантастическое и не укладывающееся в стандарты моего логического мышления, вдруг обращается именно ко мне.

Запись продолжалась ещё несколько минут, в течение которых звучали те же «электрические» скрипы, детские голоса и едва слышимый шёпот, а потом плёнка закончилась...

Потрясённый, шокированный я прошёлся по комнате, пытаюсь вспомнить день этой записи, и объяснить её появление... Но пульсирующие потоки крови по-прежнему заполняли голову, вытесняя всякие мысли и воспоминания.

Однозначно это не было разрозненным набором звуков разной громкости: слишком тихих или слишком громких. Как было бы, например, при записи внешних, находящихся

на различном удалении от магнитофона (причём, если бы рычажок был переключён в режим микрофона), источников звука. Весь «ролик» был в едином, что называется «стиле», в одной звуковой «композиции». Отлично скомпонованный музыкальный «mix» или «коллаж» без каких-либо заметных стыковок частей. Во время записи этой кассеты, в комнате находился и включённый телевизор, по которому в этот момент шла трансляция матча чемпионата Европы по футболу («Евро 2004»), насколько я помню, Германия играла со сборной Голландии. Я находился рядом с магнитофоном, контролируя процесс записи, смотрел футбол и периодически беседовал с сестрой, которая тоже была в комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.